

АНАРХИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1917 ГОДУ: БОРЬБА С ГОСУДАРСТВОМ И ПУТЬ К ВЛАСТИ

Рублев Д.И.* (Россия, г. Москва)

Аннотация. В работе представлена проблема эволюции взглядов российских анархистов на органы власти и общественного самоуправления в течение февраля – октября 1917 г. В статье рассматриваются основные точки зрения на социальные преобразования анархистов в контексте отношения к власти. Кроме того, значительное внимание уделяется практическим шагам региональных лидеров анархистского движения, принимавших участие в органах общественного самоуправления и проводивших социальные преобразования.

В 1917 г. анархисты, как и представители других политических сил левого спектра, российские анархисты впервые оказались в ситуации, когда им пришлось поставить в повестку дня вопрос о воплощении в жизнь собственных программных установок. Проблема преодоления государственной власти, как и в целом, отношений, основанных на власти человека над человеком, всегда оставалась центральной для политической теории анархизма. В то же время, достижение этой цели было невозможно без определения механизмов перехода к безгосударственной общественной модели. Ответы на эти вопросы были даны еще Петром Алексеевичем Кропоткиным, в своих работах 1890-х – 1900х гг. определившим основные факторы успеха анархо-коммунистической социальной революции. Прежде всего, это распространение среди широких слоев населения анархистских идей, а также – этических ценностей взаимопомощи и солидарности [9, с. 198]. Важное значение для успеха анархо-коммунистических социальных преобразований имело развитие самоорганизации во всех сферах жизни общества. В результате этого процесса добровольные объединения трудящихся начинают вытеснять государственные и капиталистические структуры, ослабляя их значение в жизни общества [9, 231–232; 10, с. 193–194].

Казалось, реалии весны – осени 1917 г. отвечали ожиданиям активистов анархистского движения, порождая надежды на скорое воплощение в жизнь идей анархического коммунизма. Как отметил Д.О. Чураков, эту эпоху можно назвать «революцией самоуправления» [20, с. 7, 75]. Вакуум власти, образовавшийся после падения монархии, в условиях широких социально-политических свобод оказался быстро заполнен многочисленными общественными организациями и органами самоуправления, выражающими интересы самых широких слоев населения. Не только Советы рабочих, солдатских и матросских депутатов, Советы крестьянских депутатов, но и фабрично-заводские комитеты, домовые комитеты, комитеты воинских частей, профессиональные союзы, кооперативы наращивали свое влияние в социально-политической и экономической жизни. Оптимизм, вера в спонтанно проявляющийся созидательный потенциал трудящихся, их способность к самоорганизации без частного предпринимателя и чиновника, характерные в целом для анархистских авторов того времени, демонстрирует высказывание одного из них, Германа Карловича Якобсона: «Темный, забитый безграмотный рабочий за семь месяцев революции покрыл все безгранично, неимоверно громадное пространство Российского Государства густой сетью всевозможных организаций. Создалось небывалое по своей величине и мощи кооперативное движение. Выросли удивительно быстро могучие профессиональные союзы, охватившие все отрасли промышленности. Рабочий класс спланируется все больше и больше. <...> Сам, самостоятельно, он творит свое великое дело, без представителей власти, часто вопреки им» [3, с. 1]. Вместе с тем, вопрос о сущности новых органов самоуправления, близости их структуры к идеалам анархизма, становится центральной темой дискуссий, развернувшихся в анархистских кругах. И неслучайно, ведь именно от этого зависело решение вопроса о характере предстоящих социальных преобразований.

* Рублев Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева.

И здесь не было единой точки зрения. Например, условием поддержки Советов многие из представителей российского анархизма считали их отказ от претензий на власть. Так, активист Киевской Ассоциации Свободных Анархистов П. Арсентьев писал: «бороться в них с тенденциозностью, захватом власти, указывать, что законы их – это новые кандалы, которые скинул народ, что положительное не Советами может создаваться, а жизнью, а их дело только сконцентрировать в себе эту жизнь и исполнять веления народа» [2, с. 4]. Предполагалось, что в случае сохранения за Советами власти, следует ограничить участие в них консультативными функциями [1, с. 47–48]. Многих, как активиста Московской Федерации Анархистских Групп Н. Скворцова, разочаровывал партийный состав Советов: «Советы по своей конструкции и внутренней сущности являются организациями партийными, которые интересы политики ставят выше освобождения рабочего класса. <...> Признание самостоятельности рабочего движения на основе классовой борьбы обязывает нас отказаться от политического влияния партий и Советов на ход рабочего движения» [14, с. 2].

Шли споры и об отношении анархистского движения к фабрично-заводским комитетам (ФЗК). С одной стороны, уже в мае – начале июня 1917 г. анархисты видели в них организацию, способную социализировать промышленность на основах самоуправления. Так, на I и IV конференциях ФЗК Петрограда (30 мая – 3 июня и 10 октября 1917 г.) лидер рабочих Шлиссельбурга, анархист-коммунист И. Жук, призвал передать предприятия в управление контрольным комиссиям, избранным рабочими и служащими, а сельское и лесное хозяйство – крестьянским комитетам. Для координации управления экономикой Жук предлагал создать региональные и всероссийское бюро комитетов [1, с. 32–33, 38–39]. Эту позицию поддержал и активист МФАГ К. Ковалевич, призывавший ФЗК объединиться в федерацию, взяв в свои руки организацию производства, обмена, статистики [8, с. 1]. 19 октября 1917 г. на I Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов анархо-синдикалист В.С. Шатов предложил использовать комитеты для социализации производства [1, с. 37, 39]. Однако на конференции анархистов в Харькове 18–22 июля 1917 г. мнения разделились. Большинство, признав что ФЗК – «орган администрации», охраняющий частную собственность, отвергло сотрудничество с ними. Меньшинство, напротив, признало, что «фабрично-заводской комитет <...> – орган революционной самодеятельности и организованного перехода предприятия в руки трудящихся в момент восстания», призвав участвовать в нем. Впоследствии эта точка зрения получила поддержку большей части анархистов. Серьезными были разногласия о роли профессиональных союзов в революции. Часть делегатов харьковской конференции признала их организациями, обеспечивающими трудящимся лишь материальные улучшения. Другие встали на традиционную точку зрения синдикалистов, признав профсоюзы ведущей силой в классовой борьбе и строительстве анархо-коммунистического общества. Среди делегатов были как сторонники неидеологических рабочих союзов, так и профессиональных союзов с анархо-коммунистической программой. Не была единой и позиция об отношениях между ФЗК и профсоюзами. Часть делегатов в Харькове признали комитеты единственной классовой организацией рабочих. Их оппоненты требовали интегрировать ФЗК в состав профсоюзов, как более массовой организации [1, с. 48]. Часть анархистов признавала обе структуры равноценными. На кооперацию в марте – октябре 1917 г., анархисты, напротив, обращали мало внимания.

Летом 1917 г. завершилось размежевание участников анархистского движения на два течения, подтвержденное резолюцией харьковской конференции: «бунтарское с широкой агитацией совместно со стихийными активными выступлениями до периода реакции и синдикалистское – представленное “Союзом анархо-синдикалистской пропаганды”» [1, с. 47]. Обе фракции выступали за свержение Временного правительства. При этом «бунтари», преобладавшие в городских федерациях и группах анархистов, верили в силу стихийного восстания масс, ведущего непосредственно к анархическому коммунизму [1, с. 31; 4, с. 2; 12, с. 1].

Анархо-синдикалисты ориентировались на деятельность в рабочих организациях с целью развития классовой борьбы, их подготовки к экспроприации средств производства и строительству новых экономических отношений. Такая задача была поставлена в Декларации САСП, принятой 4 июля 1917 г. [7, с. 1]. Эта организация придерживалась концепции «переходного периода», в 1915–1916 гг. сформулированной Л.И. Фишелевым. Он предполагал, что после победы социальной революции государство сохранится в виде «федерации вольных городов и вольных общин, которая <...> стремится к разруше-

нию современных централистических государственных форм» [17, с. 1; 15, с. 6, 30–31]. В Советах Фишелев видел форму государственности, переходной к безвластию [18, с. 2]. Постепенный переход «к полному проведению коммунистических принципов в экономических отношениях», полагал он, приведет к ликвидации государства [19, с. 30–31, 68]. В «Декларации» САСП утверждалось, что итогом революции станет «создание общественного строя, который естественно и сравнительно безболезненно будет эволюционировать в направлении к полному осуществлению анархо-коммунистического идеала» [7, с. 1]. Считалось, что его основой станет федерация территориальных общин и производственных объединений трудящихся. Политическую систему реорганизуют Советы. Социализацию земли и производства, управление экономикой возьмет на себя Всероссийский союз организаций производителей, объединяющий крестьянские комитеты и ФЗК.

Октябрьский переворот усилил надежды на скорое воплощение в жизнь идеалов анархического коммунизма. На эту перспективу был нацелен изданный в ноябре 1917 г. программный «Манифест Московской Федерации Анархических групп». Для реорганизации производства и потребления, борьбы с голодом, управления транспортной системой, предполагалось опереться на сеть ФЗК и крестьянских союзов, объединенную на уровне областей и всей России «снизу вверх на федеративных началах» в «Союзы Труда». Во главе их должны были стоять «экономические советы». В руки «Союзов труда» перешло бы заведование землей и предприятиями, планирование производства, предоставление кредита, налаживание обмена между городом и деревней, внешняя торговля. На уровне всей страны регулирующие функции переходили к Всероссийскому Совету Труда (ВСТ). Ряд мер были актуализированы в условиях экономического кризиса. Предполагались отмена обесценившихся денег и установление натуральной оплаты труда, реквизиция торговых предприятий и учет «всех продуктов земли и товаров». Снабжением населения должны были заняться ФЗК и домовые комитеты. В области сельского хозяйства признавались три уклада: индивидуальный (в том числе – хуторской), «товарищеский» (коллективный) и общинный. Манифест признал власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на период формирования новой системы. Им предстояло создать ВСТ, провести намеченные в «Манифесте» меры [1, с. 66–68]. Эту модель социальных преобразований многократно дублировали анархо-коммунистические публицисты того времени.

Как мы видим, «бунтари» и синдикалисты, возлагали в своих планах социальных преобразований большие надежды на органы народного самоуправления. На практике, однако, в этот период трудно провести грань между ними и органами государственной власти, без согласования с которыми не принимались многие важные решения. Можно привести пример с ситуацией, когда в Петрограде в конце апреля 1917 г. группа вооруженных активистов одной из анархистских федераций захватила Дворец герцога Лейхтенбергского на Английском проспекте. Комиссар милиции Коломенского района М.М. Харитонов отказался применять воинскую силу, даже получив соответствующее распоряжение от Председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова. Было заявлено, что без санкции Совета милиция не предпримет какие-либо действия против анархистов. В результате член исполкома Петросовета А.Р. Гоц провел переговоры с министром юстиции П.Н. Переверзевым, а Харитонов уговорил захватчиков покинуть дворец [6, л. 10–11 об.]. Также, в сентябре 1917 г., когда Прокурор Петроградской Судебной Палаты потребовал перевести из Кронштадта в Петроград лиц, арестованных по обвинению в соучастии с охранкой, местный Совет не дал провести эту операцию [5, л. 15]. В этой ситуации анархисты, работавшие в структурах общественной самоорганизации и самоуправления, действовали часто, как представители власти. Чтобы проиллюстрировать этот тезис, остановимся на нескольких наиболее интересных сюжетах, связанных с попытками социальных преобразований, проводившихся анархистами с опорой на Советы.

Уже в мае 1917 г. председателем Александровского уездного Совета Владимирской губернии был избран анархист-коммунист Петр Алексеевич Еремеев. По его инициативе были сформированы вооруженные силы Совета – Красная гвардия. Также Еремеев предложил Совету решить жилищный вопрос, проведя реквизицию свободных домов и распределив жилье среди нуждающихся. Решение это не было проведено в жизнь из-за противодействия умеренно-социалистических фракций. Тем не менее, позже Еремеев продолжал свою деятельность в органах власти. 8 июля он был избран членом уездного комитета и уездной управы, а позднее стал губернским комиссаром народного образования [13, 58, 60–61].

В других случаях анархистам удавалось добиться успехов при фактическом взятии властных позиций. Так, в Гуляй-Польском районе Александровского уезда Екатеринославской губернии весной-летом 1917 г. Н.И. Махно одновременно занял посты председателя Совета, «Комитета защиты революции» и комиссара милиции. При этом он сумел сосредоточить в своих руках руководство местными общественными организациями (крестьянским союзом, профсоюзом и больничной кассой взаимопомощи). В Черемховском угольном бассейне Иркутской губернии, в марте 1917 г. председателем профсоюза шахтеров был избран А.Н. Буйских. С 1–4 ноября 1917 г. он занял пост председателя президиума исполкома Черемховского совета рабочих и крестьянских депутатов. Анархист-индивидуалист И.Е. Мокин, руководивший крестьянским движением в Макаровской волости, вначале был избран крестьянами председателем волостного земства, а с 17 декабря 1917 г. – председателем волостного Совета крестьянских депутатов. Однако следует отметить, что здесь не наблюдалось существенного отрыва от анархистских представлений. Ведь в условиях выборности и реального контроля над представителями власти со стороны избирателей (при системе сельских сходов в Гуляй-Поле и Макаровской волости и небольшой численности населения подконтрольных анархистам территорий), зависимости от массовых организаций, властные полномочия Махно, Буйских и Мокина существенно сужались. Вооруженные отряды, на которые опирались в это время анархисты («Черная гвардия» в Гуляй-Поле и Красная гвардия в Черемхово) фактически представляли собой ополчения, сформированные на добровольной основе, что также соответствовало анархистским принципам. Соответствие преобразований идеям анархизма придавала опора на систему общественных организаций, обеспечивавших массовую поддержку населения. В Гуляй-Поле это были «Союз крестьян», комитет батраков и профсоюз рабочих металлургической и деревообрабатывающей промышленности. В Черемхово массовую поддержку преобразованиям обеспечил профсоюз горнорабочих, в котором доминировали анархисты, и 9 избранных рабочими рудничных комитетов района. Большую роль сыграли и анархистские организации, осуществлявшие политическое руководство движением («Группа анархистов-коммунистов» Гуляй-Поля и Анархистская федерация в Черемхово) [11, с. 63–64; 15, с. 32, 37, 41; 16, с. 232–233, 276; 21, с. 190].

Следует учитывать, что преобразования анархистов были продиктованы не только идеологемами, но и требованиями их социальной базы. Так, в Гуляй-Польском районе и Макаровской волости, большую часть населения которых составляли общинные крестьяне-середняки, на первое место вышла аграрная реформа, представлявшая «черный передел» помещичьих и кулацких земель в пользу безземельных и малоземельных. В Гуляй-Поле за крупными землевладельцами были сохранены небольшие наделы, часть скота и орудий труда для ведения индивидуального трудового хозяйства. Попытки же анархистов создать сельскохозяйственные коммуны, основанные на принципах добровольности, не получили широкой поддержки. В них вошли только безземельные крестьяне и батраки [15, с. 33–35; 16, с. 232–233].

В ситуации нарастания инфляции и падения жизненного уровня населения ряд мер носили характер социальной защиты. Так, анархистами проводились меры по повышению заработной платы, в том числе – путем давления на предприятия через профсоюзы. Например, в Гуляй-Поле летом 1917 г. ее рост составил 80–100%. В Макаровской волости в то же время были реквизированы хлебные запасы у помещика Измайлова, пытавшегося вывезти их за пределы имения. Конфискованные продукты были распределены среди нуждающихся крестьян. В условиях нараставшего товарного дефицита и роста цен, в конце 1917 г. Гуляй-Польским Советом были предприняты попытки наладить прямые экономические связи с московскими предприятиями. В результате был проведен обмен хлеба на ткани с трудовыми коллективами московских фабрик [15, с. 36; 16, с. 233; 21, ч. 1, с. 144, ч. 2, с. 183–185].

Планы преобразований, отвергнутые сторонниками анархистов, как правило, не реализовывались. Так, в Гуляй-Поле рабочие заводов Кернера, Кригера и мельниц отвергли предложения анархистов о конфискации предприятий и денежных средств в местном банке, отложив их до проведения аграрной реформы. Решение возглавляемого анархистами «Комитета защиты революции» о разоружении местной буржуазии, отмене прав собственности ее представителей на земли и предприятия, принятое в конце августа 1917 г., также не было осуществлено. В итоге анархисты ограничились введением рабочего контроля. В Черемхово, где угледобывающая промышленность составляла основную отрасль экономики, преобразования были направлены на социализацию производства. Уже в мае 1917 г. под руководством А. Буйских рабочие взяли в коллективную собственность один из рудников и завод, передав пред-

приятия под управление рабочих комитетов и назначив предпринимателю пенсию в размере 4% от его дохода. Первое предложение о социализации угольных копей, выдвинутое в начале ноября 1917 г., также было рабочими отвергнуто. Социализация путем передачи предприятий в собственность Черемховского Совета при полном управлении на местах со стороны рудничных и заводских комитетов, избранных трудовыми коллективами, была проведена лишь в конце декабря 1917 г. – начале января 1918 г. [15, с. 33–34; 21, ч. 1, с. 144, ч. 2, с. 183–184].

Реалии социально-политической борьбы 1917 г. заставили анархистов перейти непосредственно к разработке планов социальных преобразований. В своих различных вариациях эти планы ставили в центр массовые общественные организации и органы самоуправления трудящихся. Анархисты активно участвовали в деятельности самоуправленческих структур, стремясь распространить влияние своих идей среди широких слоев населения. Возглавляя Советы, профсоюзы, фабрично-заводские комитеты, анархисты пытались воплощать свои идеи в жизнь, обладая при этом властными полномочиями. Изучение деятельности отдельных представителей этих течений в рамках Советов, как управленцев и социальных реформаторов, со всеми альтернативными вариантами политических преобразований, еще предстоит исследовать тщательным образом.

Список литературы

- [1] Анархисты. Документы и материалы, 1883–1935 гг. – М.: РОССПЭН, 1999. Т. 2.
- [2] *Арсентьев П.* Роль «Советов» и анархисты в них // Свобода внутри нас, 1917. №1. – С. 3–5.
- [3] *Аскарлов Г., Якобсон Г.К.* «Кризис власти» // Анархия, 9 октября 1917. №5. – С. 1.
- [4] *Бармаш В.В.* И вновь... ложь и обман // Анархия, 2 октября 1917. №4. – С. 2.
- [5] ГАРФ.Ф. 1791. Оп. 2. Д. 516.
- [6] ГАРФ.Ф. 1791. Оп. 2. Д. 600.
- [7] Декларация Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды // Голос труда, 11 (24) августа 1917. №1. – С. 1.
- [8] *Ковалевич К.И.* Очередные задачи // Анархия, 23 октября 1917. №7. – С. 1.
- [9] *Кропоткин П.А.* Анархия, ее философия, ее идеал: сочинения. – М. ЭКСМО-Пресс, 1999.
- [10] [*Кропоткин П.А.*] Русский Рабочий Союз // Хлеб и воля : сборник статей. – СПб.: Священный огонь, 1906.
- [11] *Нестор Махно.* Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2006.
- [12] Прямо к цели // Коммуна. Май 1917 г. №3. – С. 1–2.
- [13] *Сапон В.П.* Советский анархист П.А. Еремеев (1917 г.) // Революция 1917–1918 гг. в российской провинции: сб. науч. статей. – Тамбов. ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 57–61.
- [14] *Скворцов Н.* О партиях и беспартийности // Анархия, 16 октября 1917. №6. – С. 2.
- [15] *Скирда А.* Нестор Махно, казак свободы – 1888–1934. Гражданская война и борьба за вольные советы в Украине 1917–1921. – Париж: Громада, 2001.
- [16] *Суворов В.П.* Анархизм в Тверской губернии: вторая половина XIX в. – 1918 г. Дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. – Тверь, 2004.
- [17] *Фишелев Л.И.* Парижская коммуна и настоящий момент // Голос труда. 12 марта 1915 г. №28. – С. 1.
- [18] *Раевский М., Фишелев Л.И.* Роль Советов Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов> в революции // Голос труда. Пятница 11 (24) августа 1917. №1. – С. 2.
- [19] *Раевский М.* [*Фишелев Л.И.*] Анархо-синдикализм и «критический» синдикализм. – Нью-Йорк: Федерация союзов русских рабочих САСШ и Канады, 1919.
- [20] *Чураков Д.О.* Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. – М.: АИРО-XX, 1998.
- [21] *Штырбул А.А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. – Омск: ОмГПУ, 1996. Ч. 1, Ч. 2.